

К.П. Кокарев
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ В НОВОМ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Политическая наука знает много попыток концептуализации легитимности, наиболее известными из которых являются модели М. Вебера и Д. Истона¹. Проверка идей последнего, их операционализация во многом послужила толчком для развития представлений о легитимности политической системы. Политические социологи и социальные психологи в 1960—70-х гг. активно исследовали проблематику участия, отчуждения, восприятия различных типов справедливости — и влияния этих феноменов на легитимность политической системы. Особенностью господствовавшего тогда подхода было то, что исследовались глобальные феномены: отношение к политической системе в целом, к отдельным ветвям власти или государственным институтам (подробнее об этом во второй части статьи). Позже (с конца 1970-х гг.) вопросы легитимности также стали изучаться в рамках нового методологического направления, которое в 1980-е г. получило название «неоинституционализма». Обращение к проблемам легитимации было продиктовано потребностью объяснить стабильность и динамику институтов и организаций². По нашему мнению, новизна предложенного новыми институционалистами подхода заключалась во внимании к изучению легитимности отдельных организаций.

Новый институционализм у многих ассоциируется с изучением истории институтов, причин сохранения *status quo*³. Например, одни из наиболее цитируемых авторов, П.Дж. ДиМаджио и В.В. Пауэлл, рассматривают институциональные среды как стабильные, конформистские. Новый институционализм, по их мнению, ориентирован на стабильность, а не на изменение. Легитимность тогда выступает основанием для инертности, подчеркивая гомогенность организаций и стабильность институциональных компонентов⁴. Мы считаем, что говорить в данном случае о доминировании изучения стабильности едва ли возможно, так как институционализм крайне неоднороден и идейно, и методологически⁵. Кроме того, предметом исследования могут быть не только институты, но и организации, которые соревнуются за различные ресурсы, существуют в среде множества институтов

1 См.: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С. 602—643; Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Указ. соч. - С. 644—706; Easton D. An approach to the analysis of political system // World politics. - Baltimore, 1957. - Vol. 9, № 3. - P. 383—400; Easton D. The re-assessment of the concept of political support // British journal of political science. - L., 1975. - Vol. 5, № 4. - P. 435—457; Easton D. Theoretical approaches to political support // Canadian journal of political science. - Toronto, Ont., 1976. - Vol. 9, № 3. - P. 431—448; на русском языке см.: Ачкасов В. А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. - М.: Аспект-Пресс, 1996. Труды Т. Парсонса, Н. Лумана, Ю. Хабермаса упоминают в качестве значимых для данной теоретической проблемы чуть реже. Эмпирические исследования в большей степени основаны на идеях М. Вебера и Д. Истона.

2 В употреблении этих понятий есть некоторые сложности. Институт традиционно понимается, как нормы и аппарат их обеспечения, а организация, как преследующие общие цели группа людей, существование которых регулируется определенными институтами. Иногда они употребляются, как взаимозаменяемые.

3 Clemens E.S., Cook J.M. Politics and institutionalism: Explaining durability and change // Annual review of sociology. - Palo Alto, Calif., 1999. - Vol. 25. - P. 442—447.

4 Kraatz M.S., Zajac E.J. Exploring the limits of the new institutionalism: The causes and consequences of illegitimate organizational change // American sociological review. - Menasha, Wis., 1996. - Vol. 61. № 5. - P. 813.

5 См., например: Hall P., Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms // Political studies. - Guildford, 1995. - Vol. 55, № 1. - P. 936-957. Мы будем ориентироваться на социологическую версию нового институционализма.

и активно их изменяют. Здесь много динамики, если не институциональной, то организационной. Объем ресурсов, возможности интерпретации и смены правил сильно зависят от степени легитимности организации. В этом заключается одно из основных положений социологической версии нового институционализма.

Легитимация является важным фактором стабилизации и изменения институтов и организаций. Как отмечали Дж.Г. Марч и Дж.П. Олсон, новый институционализм обращает внимание на то, что политические институты относительно автономны, могут быть исторически неэффективны и на то, что для понимания политики важно обращать внимание на символические действия⁶. Далее поясняется, что символическая политика хорошо описывается термином «легитимность», хотя сам термин их не удовлетворяет. «"Легитимность" – обычный термин (*для обозначения таких явлений — К.К.*) , но легитимность может обозначать нечто более узкое, чем требуется; понятие "ритуал" стремится установить не только моральную ценность событий, но и их необходимость»⁷. Обращение к «ритуалу», как нам представляется, не случайно. Еще Мейер и Рован также в знаковой статье о формальной структуре организации как о мифе и церемонии стали использовать термины, стоящие в одном смысловом ряду с категорией «ритуал»⁸. Причиной этого стало то, что данные понятия (миф, церемония, ритуал) отсылают нас к иному, нерациональному контексту деятельности организаций и жизни институтов, разработкой которого во многом и отличается социологический новый институционализм⁹. Обращение к таким категориям означает попытку уйти от объяснений изменения в логике целерациональности и начать исследовать широкий контекст существования институтов и организаций, который включает в себя представления и ценности.

В данном контексте нам представляется значимым то, как использовали Дж.Г. Марч и Дж.П. Олсон понятие «легитимность», и их попытка определить его, не проясняя значений. В приведенной выше цитате о легитимации говорится как о подтверждении соответствия какого-то факта, например, свойства института или организации абстрактным моральным нормам. В 1984 г. можно было обратиться к многим работам по политической социологии, дающим куда более детальное представление о том, что такое легитимность. Если посмотреть литературу, на которую ссылаются Дж.Г. Марч и Дж.П. Олсен, то очевидно, что к этому пласту литературы они не обращаются. Отсутствие внимания к легитимности можно было бы отнести к невысокому приоритету данной темы в данной статье, если бы данная ситуация не была симптоматична в целом для авторов социологического направления нового институционализма. В работах, использующих теорию изоморфизма, категория легитимности играет более значимую роль, но в то же время мы находим мало развернутых размышлений о природе легитимности.

Таким образом, потребность в более сложном понимании феномена легитимации института и организации существует и, как мы увидим далее, она отрефлексирована, однако попытки использовать модели концептуализации легитимности, которые разрабатывались в политической социологии и шире в политической науке, не предпринимаются. В данной статье мы хотим: 1) показать, что новый институционализм нуждается в более детализированном представлении о

6 March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American political science review. - Wash., D.C., 1984. - Vol. 78, № 3. - P. 734.

7 Ibid. - P. 742.

8 Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // The American journal of sociology. - Chicago, 1977. - Vol. 83. № 2. - P. 340-363.

9 Hall P., Taylor R.C.R. Op. cit. - P. 946-947.

легитимности; 2) обозначить некоторые концепции легитимности, разработанные в рамках политической социологии; 3) предложить модель, которая пригодна для описания проблемы легитимности применительно к широкому спектру политических организаций.

Подходы к описанию легитимности в социологическом новом институционализме

В данной работе, говоря о новом институционализме, мы подразумеваем социологический институционализм, связанный с концепцией изоморфизма. Охарактеризовать его можно следующими утверждениями: 1) «социальный институт понимается широко, как формальные правила, процедуры и нормы, но и как символические системы, когнитивные сценарии и моральные образцы, которые предлагают "рамки значения", управляющие действиями человека»¹⁰; 2) связь между институтами и индивидуальным поведением объясняется через культурный детерминизм с использованием когнитивной теории, т.е. люди примеряют социальные роли, которые им навязывают институты. В дополнение к этому институты создают горизонты значений, которые нужны для интерпретации поведения индивида¹¹; 3) при объяснении институционального изменения предлагается анализировать не эффективность, а то как увеличивается или уменьшается социальная легитимность организации и ее участников¹².

Обращение к проблемам, которые рассматриваются в рамках нового институционализма, позволяет обнаружить потребность в детализации представлений о легитимности, в первую очередь в связи с развитием теории институционального изоморфизма. Развитая в духе нового институционализма П.Дж. ДиМаджио и В.В. Пауэллом идея изоморфизма практически полностью сконцентрирована вокруг идеи легитимности¹³. Но в статье 1983 г. мы не находим систематического описания того, что представляет из себя легитимность института и организации.

Д. Дипхаус отмечает, что легитимность является одним из ключевых терминов институционального понятийного аппарата. Данное понятие связано с категорией «изоморфизм», однако исследования, проверяющие эту связку, крайне редки «по причине продолжающихся трудностей в определении и измерении легитимности»¹⁴. В англоязычной литературе это прослеживается совершенно четко: после второй половины 1980-х годов количество статей, посвященных роли легитимности в жизни организаций, резко возрастает по мере роста интереса к вопросу *миметического* и *профессионального* изоморфизма¹⁵. Но статей теоретического свойства среди них практически нет.

В качестве исключения назовем работу М.С. Зухмана¹⁶, посвященную легитимности организации. Автор определяет легитимность как «обобщенное восприятие или предположение, что действия организации желательны, правильны или приемлемы в рамках социально сконструированной

10 Ibid. - P. 947.

11 Ibid. - P. 948.

12 Ibid. - P. 949.

13 DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American sociological review. - Menasha, Wis., 1983. - Vol. 48, № 2. - P. 147-160.

14 Deephouse D.L. Does isomorphism legitimate? // Academy of management journal. - Ada, Ohio, 1996. - Vol. 39, № 4. - P. 1024.

15 Подробнее о типах изоморфизма см. DiMaggio P.J., Powell W.W. Op. cit. - P. 150-154.

16 Suchman M. C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches // The Academy of management review. - Ada, Ohio, 1995. - Vol. 20, № 3. - P. 571-610.

системы норм, ценностей, убеждений и определений»¹⁷. Зухман выделяет стратегический и институциональный подходы к анализу легитимности. Первый – обращает внимание на то, как управленцы могут увеличивать поддержку своей организации: легитимность понимается, как ресурс, которым нужно оперировать, нередко конкурируя с другими организациями¹⁸. Второй – понимает легитимность в качестве ряда конституирующих убеждений, которые определяют то, как организация появляется, действует, понимается и оценивается¹⁹.

Рассмотрев подходы к исследованию легитимности, наш автор обращается к проблеме типологизации и выделяет три типа легитимности организации.

Прагматическая легитимность (на основе своекорыстного расчета непосредственных аудиторий организации) имеет виды: а) легитимности обмена, когда поддержка организации материально выгодна конституентам легитимности; б) легитимность влияния, когда конституенты имеют представителя в руководстве организации, и(ли) могут влиять на принятие решения, или организация следует стандартам поведения конституентов, в) диспозиционная легитимность — благодаря положительным установкам конституентов относительно организации.

Моральная легитимность (позитивная нормативная оценка организации и ее деятельности) также имеет несколько форм: а) оценка результатов и последствий деятельности (consequential legitimacy); б) оценка технической и процедурной стороны работы организации; в) оценка структуры организации и отнесение ее к общепринятым категориям; г) персональная легитимность, основанная на харизме лидера организации.

Когнитивная легитимность (восприятие в качестве нормального, а не расчет или оценка) предполагает следующие варианты: а) легитимность в силу понятности, когда существование организации объясняется наличными представлениями и стандартами; б) легитимность очевидности, когда организация воспринимается как данность²⁰.

Рассмотренные типы легитимности могут пересекаться, что осложняет их операционализацию. М.С. Зухман использует данные типы как объяснительные категории для описания различных задач легитимации, которые могут стоять перед организациями, — вопрос об измерении просто не поднимается.

Нам удалось обнаружить еще две статьи, непосредственно посвященные вопросу проверки значимости легитимности. Так, Д.Л. Дипхаус пытается выяснить, есть ли связь между легитимность и организационным изоморфизмом, который определяется как «сходство организации другим организациям своего окружения» (организационного поля)²¹. Легитимную организацию этот автор понимает как такую «организацию, ценности и действия которой конгруэнтны ценностям социального

17 Ibid. - P. 574.

18 Ibid. - P. 576.

19 Ibidem. Заметим, что сам Зухман предпочитает занимать «срединную» позицию между этими двумя ориентациями.

20 Ibid. - P. 577—585.

21 Deerpause D.L. Op. cit. - P. 1024. ДиМажио и Пауэлл определяют организационное поле как «те организации, которые в совокупности создают опознаваемый ареал институциональной жизни: ведущие потребители продуктов, ресурсов и поставщики, регулирующие агентства и другие организации, которые производят схожие продукты и услуги», как «совокупность релевантных акторов» - DiMaggio P.J., Powell W.W. Op. cit. - P. 148.

актора и его ожиданиям о действиях»²². Значимые социальные акторы сведены к двум группам: а) регулирующие государственные инстанции, б) общественное мнение. Отсюда два типа легитимности: а) *одобрение регуляторов*, которое выражается в отсутствии проверок и положительных оценках деятельности, и б) *общественное одобрение* выражается в отсутствии в СМИ материалов, оспаривающих легитимность организации. Стратегический изоморфизм измерялся показателем «стратегического конформизма», который обозначает соответствие стратегий организации принятым или нормальным стратегиям в данном организационном поле²³.

Если результаты исследования Дипхауса подтверждают идею о том, что легитимность приводит к развитию изоморфизма, то работа М.С. Крааца и Э.Дж. Зайца показывает ограниченность данного подхода. Они ставят вопрос от противного, рассматривая ситуации, когда действия организаций нарушают существующие правила и традиционно разделяемые смыслы, т.е. оказываются нелегитимными. «Признаки нелегитимных изменений: 1) изменение фундаментально не согласуется с глубоко институционализированными нормами и ценностями в поле; 2) широко рассматривается, как угроза продолжению этих норм и ценностей; 3) явно критикуется значимыми акторами в поле»²⁴. На этом определение легитимности заканчивается.

В некотором смысле это *locus communis* большинства статей, посвященных тематике легитимности, изоморфизма и развития организаций: есть понимание того, что легитимность имеет значение, однако детализация отсутствует²⁵. И это касается не только определений. Описывая ситуацию легитимации новых организаций М. Лоунсбери и М.А. Глинн отмечают: «несмотря на тот факт, что наблюдается общий консенсус по поводу того, как легитимность на уровне отрасли упрощает создание новых организаций, существует довольно мало исследований механизмов, которыми легитимность приобретается»²⁶.

Хотя едва ли можно считать успешной теорию, одно из основных понятий которой слабо разработано, сам факт того, что социологический новый институционализм обращает наше внимание на легитимацию организаций, крайне важен. «На самом деле неоинституционализм может быть полезен в прояснении того, как организации создают социально приемлемые формы для легитимации действий со спорной институциональной легитимностью»²⁷ - пишут М.С. Краац и Э.Дж. Заяц. До неоинституционалистского поворота исследования носили обычно общий характер и касались установок граждан относительно политической системы в целом, теперь же организации становятся вполне оправданными объектами для изучения легитимности. В то же время очевидно, что без обращения к достижениям политической социологии, исследования легитимности в рамках социологического нового институционализма носят упрощенный характер.

22 Deerphause D.L. Op. cit. - P. 1025.

23 Гипотезы проверяются на примере банков, поэтому операционализация одобрения регуляторов едва ли может быть использована за пределами данного поля. Относительно общественного одобрения, которое измеряется путем простого контент-анализа, нужно заметить, что такой способ едва ли достаточен, если не дополняется другими методами.

24 Kraatz M.S., Zajac E.J. Op. cit. - P. 817.

25 Возможно, это и является причиной расхождения в результатах исследований Дипхауса, Крааца и Зайца. Поскольку понимание легитимности в обеих статьях упрощенное, анализ проводится по разным показателям, которые могут иметь разную значимость в институциональной среде.

26 Lounsbury M., Glynn M.A. Cultural entrepreneurship: Stories, legitimacy, and the acquisition of resources // Strategic management journal. - Hoboken, NJ, 2001. - Vol. 22. - P. 557.

27 Kraatz M.S., Zajac E.J. Op. cit. - P. 833.

Подходы к легитимности в современной политической социологии

Существует значительное количество работ, посвященных отдельным аспектам легитимности²⁸; работ, где предпринимается попытка сформулировать целостное видение значительно меньше²⁹. Обратимся к классическим идеям М. Вебера, Д. Истона и модели М.С. Везерфода.

Теория легитимности господства М. Вебера в основном сконцентрирована на объяснении «существования, природы и исторических изменений социального порядка»³⁰. Макс Вебер выделил три типа легитимного господства³¹: харизматическое, традиционное и легальное или рациональное³². Они опираются соответственно на авторитет «вечно вчерашнего», на обыденный дар, на «легальность в силу веры в обязательность легального установления и деловой компетентности», установленные рационально³³. При их рассмотрении нужно понимать, что: 1) помимо легитимности, согласно теории Вебера, принятию порядка может способствовать личный интерес, традиция, аффект. И встречаются они не реже, а чаще легитимности³⁴; 2) социология господства ориентирована не на идеалы, а на материальные интересы, власть, конфликт, эксплуатацию и насильственные аспекты господства; государство как единственный институт в обществе, обладающий правом на легитимное насилие, часто пользуется своим правом³⁵; 3) харизматическое лидерство³⁶ не связано с

28 Достаточно назвать имена Дж.Д. Абербаха (Joel D. Aberbach), Дж. Бергера (Joseph Berger), М. Зельдича (Morris Zelditch), Дж. Цитрина (Jack Citrin), Дж. Денниса (Jack Dennis), А.В. Финифтера (A.W. Finifter), Э.М. Мюллера (Edward N. Muller), Г.А. Кальдейра (Gregory A. Caldeira), Дж.Л. Гибсона (James L. Gibson).

29 Кроме рассматриваемых ниже можно назвать следующие работы: Zelditch M. Processes of legitimation: Recent developments and new directions // *Social psychology quarterly*. – Wash., D.C., 2001. – Vol. 64, № 1. – P. 4-17; Liibaka R. The legitimacy of the political system: The case of Finland. – Abo: Abo Academy univ. press, 1999. Однако эти работы малозначимы для рассматриваемых в данной статье вопросов.

30 McIntosh D. Weber and Freud: On the nature and sources of authority // *American sociological review*. – Menasha, Wis., 1970. – Vol. 35, № 5. – P. 901.

31 При этом он нигде не рассматривает признаков иллегитимности, что только подчеркивает несоциологическую «направленность» его идеальных типов, а создание их для нужд сравнительных культурных исследований – см.: Scaff L. A. On Richter «Toward a concept of political illegitimacy» // *Political theory*. – Beverly Hills, Calif., 1983. – Vol. 11, № 1. – P. 133-136.

32 Им соответствуют такие типы организации власти: 1) лидеры политических, военных или религиозных движений, 2) монархи, феодалы, 3) рационально организованная бюрократия – см.: Spenser M. E. Weber on legitimate norms and authority // *The British journal of sociology*. – Henly-on-Thames, Oxon, 1970. – Vol. 21, № 2. – P. 132. Существуют попытки отнесения к харизматической власти бюрократического типа организации государства – McIntosh D. Weber and Freud. – P. 908; подробно см.: Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991. – С. 80-97.

33 Вебер М. Политика как призвание и профессии. – С. 646-647; Вебер М. Основные социологические понятия. – С. 636-643.

34 Cohen J., Hazelrigg L. E., Pope E. De-Parsonizing Weber: A critique of Parsons' interpretation of Weber's sociology // *American sociological review*. – Menasha, Wis., 1975. – Vol. 40, № 2. – P. 239.

35 Ibid. – P. 236-237.

36 Р. Бендикс – один из влиятельных в 60-70 года интерпретаторов наследия Вебера вслед за Т. Парсонсом выдвигает харизму как основной феномен политической социологии Вебера, тогда как текстуально это не подтверждается (см. Roth G. Rousseau and Weber: Two studies in theory of legitimacy // *Ethics*. – Chicago, 1983. – Vol. 93, № 2. – P. 402. Гюнтер Рот — переводил на английский язык труды Вебера и негативно отзывался о качестве перевода Т. Парсонса). Если проанализировать статьи Вебера по текущим политическим вопросам, то становится ясно, что, по его мнению, харизма – далеко не лучший способ легитимации – см.: Вебер М. Избирательное право и демократия в Германии, (март 1917) // Вебер М. Политические работы, (1895-1919). – М.: Праксис, 2003. – С. 40-106; Вебер М. Национальное хозяйство и народнохозяйственная политика // Там же. – С. 7-39; Вебер М. Парламент и правительство новой Германии, (май 1918) // Там же. – С. 107-300. В последнем источнике – особенно С. 113-125, где М. Вебер критикует Бисмарка как политического деятеля.

эффективным управлением или общими целями, и ценности в процессе признания не играют доминирующую роль. Между тем противоположное этому мнению тоже распространено – оно появилось после выхода в печати работ Т. Парсонса³⁷.

Так как в американской политологии под влиянием Т. Парсонса утвердилось представление о центральной роли легитимности, нормативности и харизмы в политической социологии Вебера, нередко исследователи упускали из виду, что каждый пример того или иного типа легитимности сопровождается многосторонним описанием экономической, политической и культурной ситуации³⁸, что главным объектом рассмотрения являются отношения лидера и его окружения³⁹. Действительно, для анализа деятельности формальных институтов, одобрения их действия и оправдания их гражданами теория легитимного господства пригодна мало⁴⁰. По причине обращения к отношениям «управленец – команда» Вебера часто упоминают в работах по государственному управлению как создателя теории рациональной бюрократии и пытаются привлечь его методологический аппарат для анализа современного управления⁴¹.

Несмотря на то, что теорию М. Вебера можно назвать наиболее известной теорией политической легитимности, она менее других пригодна для исследования широких социальных процессов. В то же время масштаб анализируемых ею явлений и ее концептуальный аппарат вполне пригоден для изучения деятельности организаций. Поскольку развитие исследований легитимности в политической социологии пошло по другому направлению, более актуальными стали построения Д. Истона, который во многом опирался на модель М. Вебера, но поставил ее на иное основание, чем сделал ее более пригодной для анализа массовых процессов.

Вопросы легитимности Д. Истон рассматривает в контексте решения вопроса о поддержке политической системы. Поддержку Д. Истон разделил на 1) диффузную и 2) специфическую. Б. Вестле развила этот подход и добавила промежуточные типы: диффузно-специфический (оценка конкретных действий с точки зрения идеологии), специфически-диффузный (инструментальная

37 Cohen J., Hazelrigg L. E., Pope E. Op. cit. – P. 231, 237-239. Т. Парсонс в ответной статье на работу вышеназванных авторов указывает в частности на то, что 1) вопрос о возможных мотивах для конформизма должен быть отделен от вопроса об институциональных основах нормативного порядка; 2) Отношение ценностей и эгоистического интереса – вопрос чисто эмпирический, а не центральный теоретический вопрос в интерпретации наследия М. Вебера – Parsons T. On «De-Parsonising Weber» // American sociological review. - Menasha, Wis, 1975. - Vol. 40, № 5. – P. 669. С этой точкой зрения согласен и известный английский веберовед Д. Битем, который говорит о «двух» Максах Веберах: теоретике, для которого легитимация – основное условия стабильности власти, и практика, который стабильность понимает как баланс сил значимых политических и социальных акторов – Beetham D. Social science and political practice // Beetham D. Max Weber and the theory of modern politics. – L., 1974. – P. 250-277.

38 Roth G. Op. cit. - P. 403.

39 Ibid. – P. 403; Cohen J., Hazelrigg L. E., Pope E. Op. cit. Окружение Вебер нередко называл «политической машиной», а немецкое Fuhreг может означать и «машинист поезда». См. интересное исследование о транспортных метафорах у М. Вебера – Козлов С. Крушение поезда: транспортная метафорика Макса Вебера // НЛО. - М., 2005. - №1. - С. 7-60.

40 Ш.-А. Кюэн замечает, что социология Вебера вряд ли пригодна для анализа макросоциальных явлений, так как в ней нет анализа того, как индивидуальные поведения соединяются в социальный институт – Кюэн Ш.А. Социологи и одержимость пониманием. Неопозитивистское прочтение Макса Вебера // Социс. – М., 2001. - №12. - С. 9.

41 См.: Васютинская О.В. Ключевые понятия социологии Макса Вебера и их использование при совершенствовании ДОУ // Делопроизводство. - М., 2002. - №2. - С. 52-55; Макаренко В.П. Теория бюрократии М. Вебера и буржуазные концепции организации и управления // Вопросы философии. - М., 1986. - № 3. - С. 126-134; McNall S.G. Conflict and control: Challenge to legitimacy of modern governments // Contemporary sociology. - Wash., D.C., 1982. - Vol. 11, № 6. - P. 755-756.

оценка, переходящая в долгосрочную)⁴². Разделение на два вида поддержки возможно, если мы можем: 1) различить их последствия для политической системы и 2) если можем различить их при практическом исследовании⁴³.

Специфическая поддержка представляет собой удовлетворенность членов политической системы, которую они испытывают от осознаваемых результатов и от деятельности политических властей. При этом индивиды не обязательно должны различать разных политиков и понимать, что существуют разные функции власти. Достаточно того, что люди имеют представление о власти как о классе. Этот вид поддержки касается действий, риторики, общего стиля управления и принимаемых решений⁴⁴.

Диффузная поддержка проще всего может быть объяснена как оценка того, что такое политический объект в понимании индивида, а не того, как политический объект действует. «Она состоит из запаса благоприятных отношений или доброй воли, которая помогает членам политической системы принимать или спокойно относиться к результатам ее деятельности, которым они сопротивляются, или эффектам, которые они считают ущемляющими свои требования»⁴⁵. Если пытаться кратко дать характеристику диффузной поддержки, то можно выделить следующие особенности: 1) медленно изменяется; 2) является основой для отношения к государству и социальной иерархии; 3) возникает из социализации и личного опыта⁴⁶. Диффузная поддержка будет различаться в зависимости от объекта ориентации: 1) если это политические власти или режим, то она выражается в форме доверия или уверенности в них; 2) если объект – политическая общность, то она выражается в мы-ощущении и групповой идентификации⁴⁷.

Поддержка может иметь разные формы: доверие, легитимность. *Согласие* (compliance) Д. Истон не считает элементом диффузной поддержки, так как оно может быть вызвано и принуждением, и манипуляцией, и чисто рациональным расчетом. Поэтому при рассмотрении согласия в первую очередь нужно смотреть на контекст. Действия, которые можно назвать не-согласными, могут иметь разные мотивы. Отсюда согласие следует понимать как важную переменную, отношение которой с поддержкой нужно устанавливать, интерпретируя контекст, в котором происходят действия⁴⁸. *Доверие* определяется как «ощущение членов политической системы, что их собственные интересы будут реализованы без действий для их исполнения... Даже если оставить власти без надзора»⁴⁹.

Другим видом диффузной поддержки является *легитимность*. Она может относиться и к общности, и к режиму, и к властям. Сам Д. Истон определяет ее как *убеждение*, что правильно и должно принимать власти и подчиняться им, а также следовать требованиям режима⁵⁰. Истон выделяет три типа легитимности. *Идеологическая легитимность* – подчинение власти оказывается реализацией собственных убеждений; ее основа – ценности и нормы политического режима. *Структурная* – это положительное отношение к структуре распределения ролей, ее эффективности и

42 Ачкасов В. А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Указ. соч. - С. 33-34.

43 Easton D. The Re-assessment of the concept of political support. - P. 437. И разделение это оправдано, как показали дальнейшие исследования.

44 Easton D. Op. cit. - P.437.

45 Ibid. - P. 444.

46 Ibid. - P. 444-446.

47 Ibid. - P. 446-447.

48 Ibid. - P. 452-455.

49 Ibid. - P. 447.

50 Ibid. - P. 451.

нормам политического режима; основана на убежденности в ценности структуры и норм режима, вере в полезность сложившейся системы. *Персональная легитимность* – позитивное отношение к качествам лица, занимающего политическую должность; в ее основе – вера в обоснованность положения властных лиц. Действия таких лиц должны соответствовать господствующим ценностям – так поддержка властей персонифицируется и обретает эмоциональность⁵¹.

Модель, предложенная Д. Истоном, с одной стороны, носит довольно общий характер и не задает направления для исследования конкретных моментов жизнедеятельности институтов/организаций. С другой стороны, она предлагает хорошо разработанный категориальный аппарат, который уже имеет традицию операционализации и может быть использован и в рамках нового институционализма.

В литературе мы можем найти подходы, по масштабу более близкие к исследованию институтов. Обратимся к идеям М.С. Везерфорда, который, опираясь на труды Д. Истона и его продолжателей, предложил свое комплексное видение легитимационных ориентаций.

На системном **макроуровне** легитимность предполагает: 1) *подотчетность*: широкое и эффективное участие граждан в политических процессах; 2) *эффективность*: решение исполнительной властью общественно значимых задач без потери времени и ресурсов; 3) *процедурную справедливость*: решение проблем регулярно и предсказуемо, к тому же при условии открытого доступа к центрам принятия решений; 4) *справедливое распределение*: равное распределение благ или оправданность ссылкой на равенство в долгой перспективе. На **микроуровне**: 1) *политический интерес и вовлеченность*; 2) *веру в межперсональные и социальные отношения*, значимые для коллективного действия; 3) *оптимизм по поводу чувствительности политической системы*⁵².

Ценность данной модели заключается в том, что ее можно использовать как для объяснения глобальных социальных феноменов, так и для изучения групповой динамики. В то же время несмотря на пригодность модели Везерфорда для институциональных исследований, институт и организация в данных построениях отсутствуют. Поэтому мы считаем возможным предложить свою интерпретацию данной модели, которая будет больше соответствовать задачам изучения легитимности политических институтов и организаций.

Модель легитимности организации

В общем виде модель для описания легитимности организации выглядит так:

1. экономическая и политическая эффективность;
2. справедливость решений (распределительная и процедурная);
3. доверие, участие и отчуждение;
4. демократичность, представительность и ответственность за свои действия;
5. соответствие действий организации и самого института правовым нормам и характер этих норм.

51 Ачкасов В. А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Указ. соч. - С. 36-38.

52 Weatherford M. S. Measuring political legitimacy // American political science review. - Wash., D.C., 1992. - Vol. 86, № 1. - P. 149-166.

В новом институционализме вопросы о соотношении внутренних и внешних факторов существования организаций сильно переплетены, поэтому при рассмотрении проблемы легитимности применительно к отдельной организации можно отказаться от разделения на микро- и макроуровни. Вместо этого лучше воспользоваться идеей Дипхауса и рассматривать легитимность в двух плоскостях: регулирующих инстанций и общественного мнения. Внимание к значимым социальным акторам делает подход более практическим и сближает стратегическое и институциональное видение, как их понимает Зухман.

Мы предлагаем вслед за С. Липсетом разделить эффективность на два типа: политическую и экономическую⁵³. Однако и такого простого деления может быть недостаточно. Следует внимательно изучать, 1) какие именно ценности служат основанием для оценки эффективности; 2) какие группы и организации могут артикулировать полученные оценки и организовывать коллективное действие, что весьма важно для стабильности⁵⁴.

Разделение справедливости на два типа - распределительную и процедурную - представляется совершенно естественным, если опираться на исследования 1970-90-х гг. по этой тематике. Справедливость воспринимается как крайне значимый фактор оценки деятельности института⁵⁵. В то же время в социологическом новом институционализме явно не наблюдается избытка примеров обращения к этой категории при изучении легитимности организаций.

Доверие, участие и отчуждение также важны, хотя рассматриваются редко, видимо, потому, что исследования чаще посвящены бизнес-организациям и их проблемам. По нашему мнению, этим объясняется недостаточное внимание к данным аспектам при рассмотрении проблематики легитимности.

Как показывает статья Зухмана, возможность провести своего человека в организацию, оказывать действенное влияние на принятие решений уже осознается в качестве ресурса легитимации, однако данные идеи слабо актуализированы. Перенесение этих идей в область социологического нового институционализма представляется оправданным и в данном случае.

Современные организации существуют в правовом поле, которое может быть самым разным, но практически всегда присутствует. Поэтому важно ввести такое измерение легитимности как соответствие действий института и самого института правовым нормам. Дж. Фрезер отмечает, что «это просто неправдоподобно, что массовая публика оценивает режим и власти по тому, насколько они соответствуют существующему нормативному стандарту»⁵⁶. Поэтому нужно внимательно изучать представления о праве. Правовая культура может сильно отличаться в различных социальных группах – данный параметр описания нужно дополнять анализом того, как люди понимают и используют право в обычной жизни.

53 Lipset S. M. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy // *American political science review*. - Wash., D.C., 1959. - Vol. 53, № 1. - P. 75, 86.

54 Lipset S. M. The social requisites for democracy revisited: 1993 presidential address // *American sociological review*. - Menasha, Wis., 1994. - Vol. 59, № 1. - P. 1-22.

55 См. Gibson J. L., Caldeira G. A. Blacks and the United States Supreme Court: Models of diffuse support // *The journal of politics*. - Gainesville, Fla., 1992. - Vol. 54, № 4. - P. 1120-1145; Tyler T.R. Governing and diversity: The effect of fair decisionmaking procedures on legitimacy of government // *Law and society review*. - Beverly Hills, Calif., 1994. - Vol. 28, № 4. - P. 809-831.

56 Fraser J. Validating a measure of national political legitimacy // *American journal of political science*. - Austin, Tex., 1974. - Vol. 18, № 1. - P. 119, footnote 8.

Выделенные параметры описания носят довольно общий характер, что позволяет адаптировать их для изучения практически любой политической организации. Они ценны тем, что задают рамки исследования, выводят исследование частных организаций в поле общих тенденций. Использование идей из политической социологии, таким образом, решает две проблемы нового институционализма: 1) предоставляет готовые апробированные схемы для изучения легитимности организаций, 2) вводит исследования частных вопросов в широкий контекст политической социологии, дает возможность проводить параллели с исследованиями, выполненными в иных методологиях, опираться на более широкую фактологическую базу.